

А люди всё пишут, пишут... Понятно, если бы рассказывали о пережитом, воспоминаниями делились. Так нет. Приходят в основном жалобы: бывшие узники активно стараются выявить лжеузников, труженики тыла и пострадавшие от репрессий считают себя обделенными по сравнению с узниками (и не без оснований), кто-то обижается, что не может доказать своего пребывания в нацистской неволе, и так — по кругу.

Обиженные частенько заходят к нам в редакцию, бурно изливают негодование, оставляют исписанный нервной рукой листок и, уходя, просят не называть их фамилию в тексте.

Казалось бы, от таких монологов может появиться некоторое раздражение. Но появляется жалость. И к узникам, и к лжеузникам, и к тем детям, которым в оккупированном городе жилось не лучше, чем в лагере. И даже к тем, кто не пошел в свое время обходными путями, чтобы получить заветное удостоверение узника, а теперь об этом очень жалеет.

«Мама рассказывала, что когда немцы выгнали нас из дома (он находился недалеко от железнодорожного вокзала), мы жили у соседей, — вспоминает наша читательница из Орла Людмила Николаевна. — Нас у мамы были двое малолетних детей и у соседки — дочка. Матерей наших нет уже в живых, а мы иногда встречаемся, общаемся.

И вдруг я узнаю, что эта соседская девочка получила «узника». Спрашиваю: «Когда ж тебя в Германию угоняли?» Она улыбается: «Хочешь жить — умей вертеться». То есть находи нужных свидетелей, сочини легенду — и удостоверение в кармане. Я не могла пойти на такой обман. Теперь со своей порядочностью и скромностью едва свожу концы с концами. А «девочка» отхватила марки и каждый месяц получает прибавку к пенсии».

По-человечески хочется посочувствовать Людмиле Николаевне. В начале всей этой «немецкой» кампании достаточно было показаний двух узников для получения необходимого статуса. Значит, у нашей читательницы была такая возможность под общий шумок узницей прикинуться — не смогла. Получается: честность и порядочность опять пострадали.

Но я не думаю, что ее соседку не мучает совесть. Не думаю, что всем, кто предъявлял липовых свидетелей, не бывает тошно от одних воспоминаний тех судебных заседаний. Как-то одна пожилая женщина принесла в редакцию благодарность. Бабушка оказалась разговорчивой. Ни с того ни с сего начала свое военное детство вспоми-

во получения денег, которые и без этих унижительных уловок государство должно бы им выплачивать. Наши старики этого заслуживают.

Один наш читатель заявил в письме, что почему-то больше всего узников зафиксировано в нашей области: «Получается, что Гитлеру нужны были именно орловские дети? А ведь у нас пострадавших от репрессий гораздо больше, чем малолетних узников, и доказать этот факт проще, потому что все было в пределах своей страны. Но почему-то репрессированных отнесли к региональным льготникам, получают они копейки за перенесенные мучения и унижения. А люди, которые лучшие годы отдали восстановлению страны после войны? Они тоже получают ко-

суд, прокуратуру района, Федеральную службу безопасности. Повод — разоблачение односельчанки, которая получила статус малолетнего узника, но на самом деле, как сообщает наш читатель, нацистским преследованиям не подвергалась».

Вадим М. подошел к делу серьезно. Он лучше всякого профессионала вел следствие: опрашивал старожил, делал запросы по инстанциям. Выяснилось, что отец той односельчанки сотрудничал с немецкими оккупационными властями, а это означает, что она не должна иметь статуса узника.

И в какое-то время женщина, со слов Вадима, была лишена удостоверения узника, но потом смогла его вернуть. Как разобратся в таких ситуациях, чтобы и человека не обидеть, и хоть какую-то законность соблюсти? Автор прав: «...до слез обидно было видеть, как дети погибших на фронте после войны с сумой по деревням ходили и теперь живут небогато, а дети фашистских прихвостней получают компенсации и льготы».

Если действительно такие факты имеют железную аргументацию, то непонятно: почему доводы

нашего читателя не рассматриваются тщательно и скрупулезно? Во всяком случае, суд возвратил жалобу, ссылаясь на конкретные статьи Гражданско-процессуального кодекса.

Не знаю: надо ли ворошить прошлое, чтобы опозорить лжеузника? Вот пострадавших безвинно от репрессий непременно надо защищать, даже если придется опросить тысячу человек, перешерстить тонну архивных документов. Считаю, что реабилитировать человека, то есть вернуть ему честное имя, необходимо даже сегодня, даже спустя десятилетия, даже если посмертно.

Как быть с «узниковскими» конфликтами, честно признаться, не знаю. «Провести чистку рядов?» — как советует один наш давний читатель. Но различные «чистки» в нашей стране уже проводились. Результаты известны, и они не вдохновляют на повторение пройденного. Но и неприязнь, и взаимные упреки, и судебные тяжбы между узниками и теми, кто жил в оккупации, не исчезнут, пока будет существовать весомая разница в пенсиях бывших малолетних детей, переживших войну.

Ирина ПОЧИТАЛИНА.

ЧТО ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ- ОДНОСЕЛЬЧАНЕ...

Иногда складывается впечатление, что Германия подбросила дойч-марки бывшим малолетним узникам, чтобы посеять семена раздора между нашими людьми старшего поколения. Если в моих словах присутствует доля истины, то задумка немцев удалась. Уже давно закончились выплаты марок и евро от германской стороны. Уже не ведет прием в нашем городе представитель «Фонда взаимопонимания и примирения», да и в других областных центрах тоже. Пока действует один офис в Москве, а надолго ли — неизвестно.

нать, когда вместе с мамой они были в настоящем немецком лагере.

Когда к ней обратилась односельчанка с просьбой подтвердить ее пребывание в неволе, Людмила Николаевна согласилась, хотя это и было преднамеренной ложью:

— А как я могла отказаться? — перейдя на шепот, доверительно говорила мне читательница. — Да, их семью не угнали, потому что бабушка смогла отку-

пить, но сколько мучений они вынесли в оккупации! И сейчас она с дочерью мается, точнее — с внуками. Дочка-то непутевая вышла: уехала в Москву, а детей своих бабке подбросила. Считаю, на одну ее пенсию и тянут. И как я могла отказать?

Осуждать пенсионерку за такое лжесвидетельство я не могла. Люди воспользовались случаем на пра-

пейки, хотя заслужили безбедную старость».

Если бы наши пенсии могли обеспечить людям достойную жизнь, разве стали бы бросаться они друг на друга? Самое печальное, что одними обвинениями дело не кончается. Люди стали обращаться в суд, дабы вывести на чистую воду подозреваемых.

Житель одного из районных центров Вадим М. обратился в